

Жуковский Алан Юрьевич

Т.С. Элиот как арбитр поэзии: литературная критика 1920-х – 1930-х гг.

Специальность 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2014

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент,
Панова Ольга Юрьевна

Официальные оппоненты: **Красавченко Татьяна Николаевна,**
доктор филологических наук,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Центра гуманитарных научно-информационных исследований

Свердлов Михаил Игоревич,
кандидат филологических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
доцент факультета филологии

Ведущая организация: Тюменский государственный университет

Защита состоится « » 2014 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и на сайте http://www.philol.msu.ru/~ref/001_25_14.htm

Автореферат разослан « » 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, доцент

А. В. Сергеев

**Т.С. ЭЛИОТ КАК АРБИТР ПОЭЗИИ:
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 1920-Х – 1930-Х ГГ.**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

В своих эссе 1920-х – 1930-х гг. Т.С. Элиот (1888 – 1965) создал оригинальную и разностороннюю систему оценки поэзии, которая была распространена как на поэтов прошлого, так и на современников и оказала большое влияние на развитие англоязычной литературы. Авторитетный критик, редактор журнала «Крайтерин» (1922 – 1939) и редактор, а позднее директор издательства «Фейбер энд Фейбер», Элиот стал арбитром, во многом определявшим облик британской поэзии с конца 1920-х гг.

Но, несмотря на столь ответственную позицию, литературная критика Элиота была противоречива, и, в значительной мере, подвержена влиянию поэзии, которую он писал, оправдывая те её черты, которые многих отталкивали: компилятивность, высокая концентрация аллюзий и цитат, нередко воспринимавшаяся как вторичность и неспособность создать подлинно индивидуальное произведение, сухость и механистичность, и др. В то же время, Элиот часто обвинялся в противоположном: несоответствии его поэзии собственным теоретическим принципам, скрытых автобиографичности и романтизме, «темноте» на месте провозглашаемой рациональности. В сугубо теоретическом разрезе его критика тоже вызывала и вызывает немало вопросов: даже её самые знаменитые тезисы и понятия сформулированы фрагментарно и неоднозначно.

Данная диссертация призвана дать характеристику деятельности Элиота как арбитра поэзии, критика и редактора. Для этого будут детально изучены выработанные поэтом *принципы оценки стихов* и то, как они применялись на практике – в том числе, насколько им соответствовала его собственная поэзия. Данному вопросу в научной литературе не было уделено достаточное внимание – как правило, анализируются созданные Элиотом литературно-критические концепции с учётом возможных источников их генезиса, делаются попытки их интерпретировать в русле той или иной традиции (романтической, символистской, неоклассицистической, «новой критики» и формализма, в различных историко-литературных контекстах). Но изложение выдвинутых Элиотом понятий и идей далеко не всегда проясняет оценку им конкретных поэтических текстов: теория в элиотовской критике нередко расходится с практикой, да и сама по себе теория часто сформулирована крайне абстрактно, фрагментарно и противоречиво, что затрудняет её приложение к оценке стихов. Между тем, исключительно важная задача – прояснить то,

какими принципами руководствовался Элиот, оценивая стихи как «качественные» или «некачественные». Многие ценные ремарки Элиота, связанные с оценкой стихов, делаются им бегло, неожиданно и не встраиваются в целостную теоретическую систему. Рассуждения Элиота о литературе, идя вслед за его мировоззрением, часто имели черты релятивизма и «агностицизма»; Элиот нередко противоречил себе, сомневался в возможности какой бы то ни было объективности в оценке литературы и «деконструировал» собственные понятия и концепции. Работая со сложной, противоречивой и «релятивистской» элиотовской критикой, было бы неверным пытаться разложить абсолютно весь материал «по полочкам», скрыть или искусственно «объяснить» имеющиеся у Элиота противоречия и недоговорки. Определённой сложностью видится и то, что Элиот часто идёт «снизу», от конкретного материала к обобщениям, – при этом делаемые им выводы могут не очень хорошо «состыковываться» и часто существенно модифицируют его магистральные концепции.

В данной работе будет показана взаимосвязь элиотовских теории поэзии, поэтической практики, издательской и редакторской деятельности, оценок классических и современных Элиоту поэтов, принципов отбора поэтических текстов для журнала «Крайтерион». При этом в задачи данной работы не входит рассмотрение взглядов Элиота на природу и задачи литературной критики. Целью диссертации также не является анализ элиотовской теории драмы.

Основной акцент работы – именно *принципы оценки стихов*, а не их «теория», которая у Элиота, за исключением нескольких общетеоретических текстов, раскрывается преимущественно в анализе конкретных авторов, в несистематическом виде. Кроме того, эссеистика Элиота – это, в первую очередь, тексты художника, редко заботящегося о точности и доказательности. Вместе с тем, нельзя недооценивать рассудочность элиотовской критики, влияние на неё образования Элиота и его религиозно-философских воззрений. Его литературно-критические взгляды имеют одновременно философскую и поэтическую природу, но не являются литературоведческими.

Степень изученности вопроса. Элиот является одним из самых изученных авторов – вероятно, самым популярным по количеству исследований англоязычным поэтом XX в. В данной диссертации будет использоваться опыт не только работ, посвящённых элиотовской критике, но и исследований самого разного плана, поскольку ценные суждения по рассматриваемой проблематике зачастую разбросаны по источникам, посвящённым другим аспектам творчества Элиота.

Одной из первых значительных работ, посвящённых элиотовской критике, была книга Ф. Кермоуда «Романтический образ» (1957). Хотя монография была посвящена далеко не

только Элиоту, в ней были высказаны и обоснованы важнейшие и, как представляется, справедливые утверждения о природе его взглядов на литературу. С точки зрения Кермоуда, многие «воинственно антиромантические»¹ поэты и критики (в том числе, и Элиот) были романтиками, поскольку глубоко противопоставляли образ и поэта, его использующего, типизированному восприятию, остальным людям и всему обществу². Ещё важнее анализ Кермоудом концепта «распада восприимчивости»³: по его мнению, с научной точки зрения, он был абсолютно несостоятелен, поскольку аналогичные явления могут наблюдаться в любую эпоху; с точки зрения Кермоуда, элиотовская концепция была выражением романтически-символистского, декадентского мифа, пытающегося объяснить непонимание природы образа массами и неприкаянность современного художника путём выдвижения гипотезы о фундаментально иной эпохе в прошлом; за данной гипотезой стояли культурно-исторические потребности XX столетия.

Важной фундаментальной работой о литературной критике Элиота стала книга Ш. Люси «Т.С. Элиот и идея традиции» (1960)⁴. В ней были исследованы теория традиции, её преломление в элиотовских критике, поэзии и драме; особое внимание было уделено эссеистике 1930-х – 1940-х гг. Автор подверг элиотовскую концепцию традиции некоторой критике, говоря о необязательности культивации чувства традиции поэтом; позиция Элиота рассматривалась как исторически обусловленная реакция на субъективизм, преобладавший в европейской культуре начала века. Одной из первых работ, рассмотревших взаимосвязи и текстовые переключки между Элиотом и Ф.Г. Брэдли, о философии которого Элиот написал не защищённую диссертацию, стала книга «Т.С. Элиот: эстетика и история» (1962) Л. Фрида⁵.

Изучение возможных философских, а также литературно-критических источников элиотовской критики быстро стало одним из основных направлений её исследования (до некоторой степени заслонив анализ других аспектов). В книге Дж. Д. Марголиса «Интеллектуальное развитие Т.С. Элиота, 1922 – 1939 гг.» (1982)⁶ исследовалась связь элиотовской эссеистики с философией И. Бэббита, Ж. Бенда, Ш. Моррасса, и др., освещались полемика Элиота с Дж. М. Марри о романтизме и «классицизме» и усиление интереса Элиота к религиозной и социальной проблематике в 1930-е гг.

¹ В данной работе перевод прозаических цитат – мой (А.Ж.), за исключением оговорённых случаев.

² Kermode, F. *Romantic Image*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. VII.

³ Ibid. P. 142 – 145.

⁴ Lucy, S. *T.S. Eliot and the Idea of Tradition*. L.: Cohen & West, 1960.

⁵ Freed, L. *T.S. Eliot Aesthetics and History*. La Salle, IL: Open Court, 1962.

⁶ Margolis, J.D. *T.S. Eliot's Intellectual Development, 1922 – 1939*. Chicago, IL, L.: University of Chicago Press, 1982.

Влияние философии на литературную критику Элиота (и на другие сферы его деятельности) было рассмотрено в книге У. Скаффа «Философия Т.С. Элиота: от скептицизма к сюрреалистической поэтике: 1909 – 1927 гг.»⁷, в которой, помимо этого, подчеркивалось намного большее, чем обычно принято считать, значение бессознательного в деятельности Элиота; было уделено внимание проблеме элиотовского скептицизма, его неоднозначному соотношению с мировоззрением Элиота после обращения в англиканство.

Глубина влияния философских и научных концепций на литературную критику и художественное творчество Т.С. Элиота остаётся спорным вопросом среди исследователей. С одной стороны, воздействие многих философов и культурологов на эссеистику Элиота не вызывает сомнений. С другой стороны, основные концепции его литературной критики могут быть поняты вне связи с философскими категориями.

В своей книге «Т.С. Элиот и романтическая критическая традиция» (1981)⁸ Э. Лобб скептически отзывается о попытках обнаружить непосредственные истоки поэзии, драмы и критики Элиота в его диссертации, посвящённой Ф.Г. Брэдли, в его философском образовании и философских увлечениях. Правда, две лучшие монографии, посвящённые философскому пласту в творчестве Элиота⁹, были изданы позднее работы Лобба.

Р. Уоллхейм, К.К. Стэд, Ф. Кермоуд, Э.Д. Муди (подчёркивавший также ненужность знания внелитературных факторов для восприятия элиотовской поэзии)¹⁰ также считали, что критика Элиота может быть понята в сугубо литературных категориях и её взаимосвязь с философией остаётся крайне поверхностной¹¹. Допуская, что концепция «распада восприимчивости» могла быть перенята у Брэдли, Э. Лобб считает, что элиотовское понимание литературной истории могло возникнуть только в сугубо литературном контексте – в первую очередь, как развитие идей ряда романтических поэтов¹².

Действительно, большинство эссе Элиота могут быть осмыслены в сугубо литературных категориях. По всей видимости, «чисто литературный» и «литературно-философский» подходы вполне совместимы, хотя «внелитературное» исследование неизбежно сталкивается с рядом ограничений, поскольку встаёт вопрос о тонкой грани между прямым и неосознанным влиянием, заложенным самим автором смысле и

⁷ Skaff, W. The Philosophy of T.S. Eliot: From Skepticism to a Surrealist Poetic, 1909 – 1927. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1986.

⁸ Lobb, E. T.S. Eliot and the Romantic Critical Tradition. L.: Routledge, 1981.

⁹ Jain, M. T. S. Eliot and American Philosophy: The Harvard Years. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Habib, R. The Early T.S. Eliot and Western Philosophy. Cambridge, NY, Oakleigh: Cambridge University Press, 1999.

¹⁰ Moody, A.D. Thomas Stearns Eliot: Poet. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. XI, 7 –8.

¹¹ Lobb. Op. cit. P.159.

¹² Ibid.

интерпретации исследователя, о грани между влиянием как таковым и простым пересечением во взглядах.

Лоббу удалось показать и доказать, что риторика в критике Элиота преобладает над философией и логикой; «молчаливость» и эллиптичность сочетаются с категоричными утверждениями; стремление к созданию образа и ироническое остранение замещают детальную аргументацию¹³. Подобно Кермоуду в «Романтическом образе», Лобб считал, что «распад восприимчивости» был «романтическим мифом»¹⁴. Романтиком Элиота считали также Дж. Борнштейн («Трансформации романтизма у Элиота, Йейтса и Стивенса» (1976)¹⁵, К. К. Стэд («Новая поэтика: от Йейтса к Элиоту» (1964)¹⁶, Г. Смит¹⁷.

Существенно преуменьшая влияние философов на Элиота, работа Лобба, в то же время, показала опасности немотивированного приписывания ему тех или иных влияний. В более поздних монографиях «Ранний Т.С. Элиот и западная философия» Р. Хабиба (1999) и «Т.С. Элиот и американская философия» М. Жэна (1991) были детально проанализированы связи элиотовского литературно-критического творчества и мировоззрения с гарвардской университетской средой, унитаризмом, в традиции которого был воспитан Элиот, И. Бэббитом, Дж. Ройсом, Г. Адамсом, Дж. Сантаяной, Платоном, Аристотелем, Кантом, Фомой Аквинским, А. Бергсоном, Ф. Ницше, Ф.Г. Брэдли. Р. Хабиб, раскрывая «ироническую» сущность элиотовской концепции творческой личности, рассматривает её как романтическую¹⁸. Проанализированная Хабибом диада «поверхностного» и «внутреннего» «эго»¹⁹ близка элиотовскому употреблению слов «личное» (personal) и «индивидуальное» (individual), которое будет рассмотрено в данной диссертации.

К.К. Стэд, подобно Скаффу, подчёркивал роль бессознательного в элиотовской теории и практике поэзии. Он категорически отрицал какой бы то ни было «классицизм» Элиота и считал, что тот был «антиромантиком» только в том смысле, что отказался от роли «пророка»²⁰. Это утверждение представляется серьёзным упрощением (в данной диссертации будут рассмотрены различные ипостаси элиотовского «антиромантизма»).

¹³ Ibid. P. 93 – 134.

¹⁴ Kermode. Op. cit. P. 5 – 6.

¹⁵ Bornstein, G. Transformations of Romanticism in Yeats, Eliot, and Stevens. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1976.

¹⁶ Stead, C. K. The New Poetic: Yeats to Eliot. L.: Hutchinson University Library, 1964.

¹⁷ Smith, G. T.S. Eliot's Poetry and Plays: A Study in Sources and Meaning. Chicago, IL, L.: University of Chicago, 1967. P. 3.

¹⁸ Habib. Op. cit. P. 109, 121, 124.

¹⁹ Ibid. P. 7.

²⁰ Stead. Op. cit. P. 135.

Работа Д. Спёрра «Конфликты в сознании: поэзия и литературная критика Т.С. Элиота» (1984)²¹ показывает внутреннюю противоречивость элиотовского сознания: оно предстаёт как поле борьбы рационального, дискурсивного начала с бессознательными, хаотичными, иррациональными силами. На многослойности мотивов Элиота в его прозе заострили внимание многие исследователи. Например, Дж. Уайтсайд изучил его диссертацию об Ф.Г. Брэдли и показал на её материале психологическую двойственность Элиота, который намеревался сказать, что согласен с идеей Брэдли о единстве бытия, но был неспособен скрыть в своей работе своё чувство того, что бытие фрагментарно²².

Для целей данной диссертации также важна литература о деятельности Элиота в качестве редактора «Крайтериона» – правда, основное внимание в ней уделялось анализу философской и социально-политической проблематики (это связано с общей направленностью журнала). В монографии Дж. Хардинга «Крайтерион»: культурная политика и периодические издания в межвоенной Британии» (2002)²³ представлена крайне широкая панорама современных Элиоту журналистики и литературы, его отношений с другими периодическими изданиями того времени; помимо этого, отдельно рассматриваются несколько регулярных авторов элиотовского журнала – в том числе, Г. Рид, М. Робертс и Дж. А. Смит. Компильтивная, но амбициозная по замыслу и широкая по кругу затрагиваемых проблем монография Й. Ванхесте «Стражи наследия гуманистов: классицизм журнала «Крайтерион» Т.С. Элиота и близких ему периодических изданий, его значимость для нашего постмодернистского мира» (2002)²⁴ описывает с разных точек зрения «классицизм» Элиота и тех зарубежных журналов, отдельных мыслителей и литераторов, с которыми он сотрудничал. Г. Хауарт²⁵ исследовал проблему влияния некоторых авторов, публиковавшихся в журнале Элиота, на его собственное творчество.

Кандидатская диссертация Т. Н. Красавченко «Т.С. Элиот как литературный критик» (1979) – наиболее значительная работа, посвящённая элиотовской критике, в России (данная проблематика также рассматривалась в докторской диссертации исследователя «Английская литературная критика XX века» (1994)²⁶). В первой работе автор дал системную оценку элиотовской литературной критике, рассмотрел её возможные философские и литературные

²¹ Spurr, D. *Conflicts in Consciousness: T.S. Eliot's Poetry and Criticism*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1984.

²² Whiteside, G. T.S. Eliot's Dissertation // *Journal of English Literary History*. 1967. September. №34. P. 400 – 424.

²³ Harding, J. *The 'Criterion': Cultural Politics and Periodical Networks in Interwar Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

²⁴ Vanheste, J. *Guardians of the Humanist Legacy: The Classicism of T. S. Eliot's 'Criterion' Network and its Relevance to our Postmodern World*. Leiden: Brill, 2007.

²⁵ Howarth, H. T.S. Eliot's Criterion: The Editor and His Contributors // *Comparative Literature*. 1959. Spring. Vol. 11, №2. P. 97 – 110; также о «Крайтерионе» см.: Howarth, H. *Notes on Some Figures behind T. S. Eliot*. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1964. P. 250 – 299.

²⁶ Красавченко, Т.Н. *Английская литературная критика XX века*. Дисс. докт. филол. наук. М., 1994.

истоки и связанные с ней исторические контексты, проанализировал эссе Элиота, посвящённые поэтам прошлого. Несомненными достоинствами работы Т. Н. Красавченко являются критические по отношению к Элиоту замечания – например, справедливое утверждение о его «мифологичности» и антиисторизме: «Элиот искал в прошлом только настоящее, его подход к прошлому был лишён историзма, тем самым он по сути отрицал то, к чему стремился – реальную связь времён. Идеалистическая основа его мировоззрения, его философия «времени» превращали его «чувство истории» в чувство антиистории»²⁷; «Элиот фактически попытался пересмотреть историю и историю литературы сквозь призму нового «мифа». Его доктрина не отражала подлинной истории поэзии XVII века»²⁸.

В российском элиотоведении, помимо двух диссертаций Т.Н. Красавченко, специальных исследований всего комплекса критики Элиота не предпринималось. Один из частных (но наиболее обширных и значительных) её аспектов, был подробно рассмотрен в монографии О.И. Половинкиной, «Метафизический стиль в истории американской поэзии» (2011)²⁹. Почти половину работы занимают три главы об Элиоте. Как и во многих других исследованиях, О. И. Половинкиной избран комплексный подход: одновременно рассматриваются и элиотовская теория поэзии, и её истоки (в том числе, гарвардские), и поэзия самого Элиота, и его религиозно-философские взгляды. В книге О.И. Половинкиной Элиот осмысливается именно как поэт-критик, детально исследуется эволюция концепции «распада восприимчивости» и оценки Элиотом поэзии Данте и Донна, подробно анализируются Кларковские лекции.

Другие значительные российские исследования Элиота были посвящены преимущественно его поэзии: кандидатская диссертация «Т. С. Элиот и английский стих 1910-х годов» Д. А. Иванова³⁰, докторская диссертация «Т.С. Элиот и европейская культурная традиция» О.М. Ушаковой³¹, кандидатская диссертация «Т.С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля» А. А. Аствацатурова³². В последней работе элиотовской теории поэзии было уделено значительное внимание. Элиот интерпретировался А.А. Аствацатуровым преимущественно как апологет антиромантизма, «дисциплины» и опоры на внешний авторитет; романтические, символистские, релятивистские, скептические, сюрреалистические тенденции творческого сознания Элиота остались практически без внимания. В 2013 г. вышел 6-й том «Истории литературы США», «Литература между двумя

²⁷ Красавченко, Т.Н. Т.С. Элиот – литературный критик. Дисс. канд. филол. наук. М., 1979. С. 112.

²⁸ Ibid. С. 122.

²⁹ Половинкина, О.И. Метафизический стиль в истории американской поэзии. Владимир: Изд-во ВГГУ, 2011.

³⁰ Иванов, Д.А. Т. С. Элиот и английский стих 1910-х годов. Дисс. канд. филол. наук. М., 1999.

³¹ Ушакова, О.М. Т.С. Элиот и европейская культурная традиция. Тюмень: ТюмГУ, 2005.

³² Аствацатуров, А.А. Т.С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля». СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.

мировыми войнами», включавший статью В.М. Толмачёва об Элиоте³³, в которой были проанализированы истоки его мировоззрения, влияние Паунда и Хьюма, элиотовская эссеистика.

Актуальность исследования определяется активным развитием элиотоведения в наши дни, а также необходимостью систематизации и осмысления значительной части наследия Т.С. Элиота – недоступной или труднодоступной для исследователей, но постепенно издающейся в последние годы. Речь идёт, в первую очередь, о недавно вышедших томах переписки³⁴, охвативших на данный момент чуть больше половины жизни поэта.

Цель исследования – комплексный анализ литературной критики и издательской деятельности Элиота 1920-х – 1930-х гг. (с учётом более ранних и более поздних текстов) с точки зрения его критериев оценки поэзии. Данная цель определила **задачи исследования**: 1. Дать объективную характеристику мировоззрения Элиота с использованием недавно изданных текстов; показать и доказать, что оно имело гораздо менее догматическую природу, чем обычно принято считать, и непосредственно влияло и на оценку Элиотом поэзии; 2. Сформулировать элиотовские критерии оценки поэзии, как самые общие, так и самые частные, с учётом накопленного опыта изучения литературной критики Элиота; 3. Исследовать, насколько стихи самого Элиота соответствовали его принципам и критериям, насколько они повлияли на его критику; 4. Проанализировать оценку Элиотом поэтов прошлого; 5. Продемонстрировать «индуктивный» характер его критики, подвижность и относительность оценок; 6. Исследовать, какие принципы и критерии выдвигались Элиотом при оценках конкретного поэтического материала; 7. Проследить, насколько влияли на анализ репутации поэтов сложившиеся «имена»; 8. Изучить деятельность Элиота как арбитра современных ему поэтов и издателя; в первую очередь – соответствие публиковавшихся в журнале «Крайтерион» поэтических текстов его принципам.

Предмет исследования – деятельность Элиота как теоретика литературы, арбитра литературных вкусов, издателя и поэта. **Объект исследования** – совокупность литературной критики Элиота 1920-х – 1930-х гг. (эссе, рецензии, лекции, и др.), с привлечением его отдельных поэтических текстов, и поэзия, издававшаяся Элиотом в журнале «Крайтерион» и издательстве «Фейбер энд Фейбер». Для диссертационной работы выбран наиболее значимый и продуктивный период литературной критики Элиота: 1920-е – 1930-е гг. В это

³³ Толмачёв, В.М. Томас Стернз Элиот // История литературы США. Т.6. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 5 – 77.

³⁴ Eliot, T.S. The Letters of T.S. Eliot, Vol. 2: 1923 – 1925 / Ed. V. Eliot and H. Haughton. L.: Faber & Faber, 2009; Eliot, T.S. The Letters of T. S. Eliot, Vol. 3: 1926 – 1927 / Ed. V. Eliot and J. Haffenden. New Haven, CT, & L.: Yale University Press, 2012; Eliot, T.S. The Letters of T.S. Eliot, Vol. 4: 1928 – 1929 / Ed. V. Eliot and J. Haffenden. L.: Faber & Faber, 2013.

время были написаны наиболее значительные эссе (объединённые в такие ключевые сборники, как «Священный лес» (1920), «Назначение поэзии и назначение критики» (1933), «Избранные эссе» (1934); в этот период издавался журнал «Крайтерий» (1922 – 1939); именно тогда были сформулированы основные понятия и концепции литературной критики Элиота, создано его «имя». Безусловно, выбор этих хронологических рамок не означает того, что в работе не будет отсылок к более ранним и более поздним эссе Элиота, но их значение для темы диссертации, в общем и целом, не столь велико (правда, знаменитое эссе «Традиция и индивидуальный талант» и некоторые другие программные тексты были опубликованы в 1919 г.). В 1910-е гг. основная масса нехудожественных публикаций Элиота – рецензии на философские и культурологические книги. Они важны для понимания генезиса литературно-критического метода Элиота (впрочем, сам автор отзывался о них скептически, считая их литературной «подёнщиной»³⁵). В 1940-е – 1960-е гг., после выхода «Четырёх квартетов», творческая активность Элиота постепенно снижается; его литературная критика чаще всего сосредоточивается на более частных вопросах и уже не создаёт столь влиятельных теоретических концепций, как в 1920-е и 1930-е гг.

Материал исследования. Корпус прозы Элиота неоднороден и непросто для изучения. Чтобы лучше ориентироваться в элиотовском критическом наследии, необходимо сверяться с научной библиографией³⁶. Наиболее значительные (по мнению автора) публикации были переизданы в сборниках, напечатанных при жизни Элиота. Однако многие из его рецензий и заметок до сих пор доступны только в журналах первой половины XX века, далеко не все из которых хорошо представлены даже в крупнейших библиотеках англоязычного мира (полное собрание прозы Элиота, включающее неизданные тексты, начало выходить в 2014 г.). Тематическая и жанровая природа текстов Элиота разнообразна: это эссе, рецензии, заметки, письма издателям, статьи, некрологи, библиографические обзоры, выступления по радио, лекции, и др., посвящённые вопросам литературы, культуры, философии, религии, политики, общественным проблемам (нередки анонимные публикации). Большое внимание в данной работе будет уделено элиотовским письмам. Корреспонденция Элиота с 1898 по 1929 гг. была издана в четырёх томах при активном участии Валери Элиот. Во многих случаях привлекаться к рассмотрению будут и работы Элиота, не имеющие непосредственного отношения к литературе, что оправданно с учётом его стремления к междисциплинарности и синтезу³⁷: тексты философской и религиозной, социально-политической и

³⁵ Trexler, A. Economics // T.S. Eliot in Context / Ed. J. Harding. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2011. P. 275 – 284.

³⁶ Gallup, D. T. S. Eliot: A Bibliography. L.: Faber & Faber, 1969.

³⁷ Eliot, T.S. The Letters of T.S. Eliot, Vol. 4. P. 31: Early February (?) 1928, To Bonamy Dobrée.

культурологической тематики. Но, безусловно, основное внимание будет уделяться наиболее репрезентативной литературной критике. Задачи данной диссертации потребуют обращения к самым разным частям элиотовского прозаического наследия – от хрестоматийных и программных до малоизвестных и фрагментарных.

Методология. В исследовании корпуса эссеистики Т.С. Элиота будут сочетаться текстуальный анализ и контекстуальное изучение, традиционный историко-литературоведческий, сравнительно-типологический, историко-культурный и историко-функциональный подходы. Это позволит как определить оригинальность и своеобразие элиотовского наследия, так и оценить его в широком литературном и культурном контекстах. Литературная критика Элиота будет рассматриваться как комплекс идей и методов оценки, имеющих свои источники, но всё же обладающих самостоятельностью и некоторым, пусть и относительным внутренним единством. С учётом разнообразных интересов Элиота, его стремления к синтезу различных областей знаний и его философского образования, материал будет анализироваться в широком междисциплинарном контексте – в первую очередь, философском.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мировоззрение Элиота и его литературная критика имели ярко выраженные релятивистские черты, даже после его обращения в англиканство; Элиот сомневался в возможности обретения абсолютных экзистенциальных ценностей – точно так же и в области поэзии он не верил в возможность объективной оценки.

2. Элиот создал собственную, сложную и оригинальную систему оценки поэзии, тесно связанную с его общими представлениями о литературе, но не тождественную им. Его основные критерии (пары противопоставленных признаков и отдельные аспекты): *индивидуальное – персональное, традиционность – самовыражение, зрелость – незрелость, классицизм – романтизм, понятность – непонятность, чувство истории, здравый смысл, скудость или богатство средств выражения, внутреннее единство и масштаб творчества*, – а также ряд более частных и ситуативных методов оценки.

3. Мысль Элиота, как правило, движется индуктивно: от частных фактов поэзии к обобщениям, которые не всегда хорошо согласуются между собой. В оценке поэтов прошлого отдельные характерные для Элиота оценочные критерии модифицируются, дополняются исключениями; в случаях отдельных авторов подход Элиота меняется в неожиданных направлениях.

4. В критике Элиота прослеживается не вполне последовательное, но всё же объективно присутствующее и очень существенное разделение «индивидуальности» и «личности».

5. Особенности поэзии Элиота повлияли на его литературную критику, а его критика – на его поэзию; в то же время, его стихи не во всём соответствовали заявляемым принципам.

6. Элиот часто критиковал поэтов, особенно романтиков, за «непонятность», хотя его собственная поэзия сама стала символом «темноты» – однако в этом нет никакого противоречия, поскольку «непонятность» Элиота – парадигматическая, а поэтов-романтиков – синтагматическая.

7. Элиот не был полностью свободен от пиетета перед репутациями известных поэтов прошлого, и при анализе некоторых из них нарушал собственные принципы, чтобы не выглядеть «ниспровергателем».

8. В оценках современных ему поэтов Элиот, как он и сам заявлял, обычно ограничивался комментариями технического характера; но он достаточно последовательно отбирал стихи в соответствии со своими критериями оценки поэзии.

9. Литературная критика Элиота, в большинстве случаев, далека от научности; это, прежде всего, – продолжение его творчества; в ней сочетаются «романтические» и «антиромантические» тенденции.

Научная новизна работы определяется недостатком исследований, комплексно освещающих элиотовскую систему оценки поэзии и её конкретные воплощения на практике. Литературно-критические взгляды Элиота как некоторая экстраполируемая из его эссеистики абстрактная система и его оценка отдельных поэтов – вещи далеко не тождественные, и деятельность Элиота как арбитра поэзии нуждается в дополнительном изучении. Большинство работ, посвящённых журналу «Крайтерион», сосредоточивалось на философской и социально-политической проблематике. Поэтому представляется исключительно важной задачей не только изучить высказывания самого Элиота, но и исследовать поэзию, которую он отбирал для журнала, на предмет соответствия выработанным им критериям оценки. Другие важные и, при этом, малоизученные проблемы, освещённые в работе, – это соответствия и несоответствия между критикой и поэтической практикой самого Элиота, вопрос о разделении им понятий «личности» и «индивидуальности» и вопрос о «непонятности» его поэзии.

Теоретическая значимость исследования определяется каталогизацией элиотовских критериев оценки поэзии, подробным анализом их применения на практике, разработкой

ряда вопросов, которым не уделялось должного внимания (диада «личность» – «индивидуальность», вопрос «темноты» элиотовской поэзии). Вводятся понятия «синтагматической» и «парадигматической» «непонятности», которые, как представляется, позволяют лучше понять сущность элиотовской «темноты» в поэзии. **Практическая значимость работы:** исследование может быть полезно специалистам по истории и теории литературы, англо-американскому модернизму и творчеству Т.С. Элиота, литературным критикам и поэтам, может использоваться при разработке учебных курсов по истории зарубежной литературы XX в., истории английской и американской литератур XX в., теории литературы.

Апробация работы. Положения диссертации были отражены в девяти публикациях, из них четыре – в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки, и в трёх докладах на конференции «Ломоносов» (2012 – 2014).

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение посвящено общей характеристике работы и истории вопроса.

В первой главе, «Теоретические проблемы и принципы оценки поэзии в критике Т.С. Элиота», показывается связь мировоззрения поэта с его литературной критикой, анализируются и систематизируются основные элиотовские критерии оценки поэзии, разбирается проблема соответствия им его собственных стихов, освещается его взгляд на творческий процесс, анализируется становление Элиота в роли арбитра поэзии.

1.1. Мировоззрение Элиота. Элиотовские взгляды отличались удивительным постоянством, хотя некоторая эволюция в них прослеживается; более поздние мнения критика и поэта почти всегда имели прообразы в более ранние периоды; в его мировоззрении, как и в его эссеистике, часто сочетались противоположные утверждения. Элиот испытал большое влияние унитариянства, в традиции которого был воспитан (хотя позднее он отверг его как крайнюю форму протестантизма или даже «атеизм»); Элиот подвергся колоссальному воздействию гарвардской среды, в которой тогда преобладали идеи прагматизма, сциентизма, стремление вписать философию и религию в контекст научной картины мира. Несмотря на то, что для Элиота с ранних лет был характерен интерес к религиозному началу, основа его мировоззрения – тотальный скептицизм, релятивизм,

агностицизм, «относительный материализм»³⁸. Элиотовский путь к христианству был намного сложнее, чем это обычно преподносится. До конца 1920-х гг. Элиот позволял себе удивительные для христианина высказывания. Его вера имела философичный, рационалистический характер; фактически он никогда не отказывался от своего скептицизма, сформировавшегося ещё в ранние годы. В духе своего мировоззрения, Элиот не верил в возможность объективной оценки творчества поэтов.

1.2. Становление литературного «имени» Элиота и образ «арбитра поэзии».

Репутация Элиота претерпела сложную эволюцию: от «андерграундного» революционера-традиционалиста (характерно элиотовское сочетание) до признанного почти всеми классика, наиболее влиятельного арбитра поэзии, законодателя вкуса. Многие классические критические и поэтические тексты Элиота возникли в то время (1910-е гг.), когда он был практически никому не известен; до конца 1920-х гг. он воспринимался крайне неоднозначно; лишь в 1930-е гг. его авторитет становится непоколебим. В поздний период его жизни, после получения Нобелевской премии, возникает определённый «культ» Элиота, который начал приобретать черты «монополии» в литературном мире, несмотря на элиотовские скромность и неуверенность в собственной значимости. Сам образ арбитра поэзии был обусловлен целым рядом фигур и явлений в английской и французской традициях (английская литературная критика эпох классицизма и романтизма, французский символизм, М. Арнолд, Э. Паунд, Т. Хьюм, У.Б. Йейтс, и др.)

1.3. Основные философские источники элиотовской критики. Для Элиота всегда было характерно стремление к синтезу различных областей знания (что проявилось и в его работе над подчёркнуто интердисциплинарным «Крайтерионом»); он получил философское образование; гарвардская среда непосредственно повлияла на элиотовские литературно-критические взгляды. Его концепция «распада восприимчивости» и его понимание традиции, культуры, «чувства истории» были тесно связаны с идеями И. Бэббита, Б. Уэнделла, Г. Адамса. Элиот испытал существенное влияние А. Бергсона и Ф. Ницше, несмотря на декларируемый антагонизм.

Рассмотрение элиотовских принципов оценки поэзии, во взаимосвязи со всей его концепцией творчества, начинается с параграфа: **1.4. Понятия «личности» и «индивидуальности» в оценках поэзии.** Противопоставление этих двух концептов никогда не формулировалось в элиотовской эссеистике напрямую, но оно объективно прослеживается в его словоупотреблении, несмотря на ряд исключений. Антиномия «личности» и «индивидуальности» – один из базовых элиотовских принципов оценки

³⁸ Eliot, T.S. The Letters of T.S. Eliot, Vol. 1: 1898 – 1922. Revised Edition / Ed. V. Eliot and H. Haughton. New Haven, CT, & L.: Yale University Press, 2009. P. 87 – 89: 6 January 1915, To Norbert Wiener.

поэзии, вырастающий из его мировоззрения. «Личность» осмысливается одновременно как суетное, плотское, природное начало в человеке и как социальная сторона его бытия. «Индивидуальность», с точки зрения Элиота, имеет духовную, трансцендентную, надличностную сущность; именно через диалог с туманно определённым «всеобщим» началом художник, по Элиоту, становится подлинно индивидуальным. В поэзии романтиков, викторианцев и георгианцев Элиот видел преимущественно «личное», ничем не ограниченное «самовыражение», лишь казавшееся неповторимым, а на деле – похожее на эмоции других людей. В элиотовском употреблении слова «оригинальность» сталкиваются несколько смыслов. Другие важные критерии: целостность и единство творчества, масштаб и уникальность авторской индивидуальности.

1.5. Концептуализация творческого процесса и оценка поэзии. С понятием «индивидуальность» в элиотовской системе координат тесно переплетены идеи «традиционности» и «чувства истории». Традиция, соединённая со «здравым смыслом», «зрелостью» и «понятностью», также противопоставляется ложному «самовыражению». Она видится Элиоту как симультанное единство прошлого, настоящего и будущего; диалог с ней, как он считает, необходим любому подлинному поэту. Схожее требование распространяется и на «горизонтальном» уровне: говорится о необходимости знания других культур и языков. Отвергая механическую эрудицию, Элиот, однако, в позитивистском духе, высказывается за тщательное «научное» изучение поэтом предшественников. Творческий процесс видится Элиоту как «отрыв» индивидуального от личного, прорыв то ли на некий иной уровень бытия, то ли на особый уровень сознания поэта (либо и то, и то другое); «высшее» начало описывается Элиотом очень абстрактно: его можно интерпретировать в идеалистическом, религиозном, оккультном, психоаналитическом ключах или как «культуру», «традицию», – но ни одна из этих трактовок не содержится напрямую в элиотовских эссе. Понятие «объективного коррелята» было призвано примирить «галлюцинационное» и «дискурсивное» начала, показать механизмы перехода «личного» в «индивидуальное». Среди других элиотовских требований к стихам: выражение своего времени, соответствие возрасту автора, интерес к этическим проблемам, масштаб творчества и творческого замысла, интенсивность соединения разнородных впечатлений, бегство от эмоций и, в то же время, воплощение в творчество уникальных эмоций, создание их сложных интеллектуальных эквивалентов.

1.6. Теория и творческая практика Элиота. В общем и целом, элиотовское творчество соответствовало его теоретическим принципам. Его основные оценочные критерии стали непосредственным продолжением его поэтики, постоянно стремившейся в

выходу в пространство «всеобщего», концентрировавшей аллюзии на разнородные пласты европейской культурной традиции и тщательно избегавшей «личных» эмоций. Автобиографический пласт в элиотовских стихах обширен, но, в большинстве случаев, вопреки утверждениям отдельных исследователей, это не противоречит концепции «безличного» искусства, поскольку изначальные впечатления были хорошо ассимилированы поэтом. Элиот создавал неповторимые художественные эмоции, как и их уникальные интеллектуальные эквиваленты, но его творчество не отличалось разнообразием тонов, а его цитатная поэтика противоречила принципу «объективного коррелята». Стихи Элиота были очень «непоэтичны» с традиционной точки зрения: ему чужды культ «детской» непосредственности и вдохновения, сновидчество; он скептически высказывался о роли метафоры; его оценки поэзии были пронизаны удивительным для поэта буквализмом. С другой стороны, отношение Элиота к метафоре менялось на протяжении времени; образ виделся ему как *галлюцинация*.

1.7. Элиот и проблема «тёмной поэзии». В элиотовской эссеистике нередко встречается критика поэтов (особенно романтиков) за «непонятность»; Элиот разрабатывал рационалистическую, «классицистическую», «аристотелианскую» концепцию творчества, важной составной частью которой было требование «прозрачности» образа. Это устремление в определённой мере вступало в противоречие с крайней «непонятностью» поэзии самого Элиота. Несколько поколений интерпретаторов «Бесплодной земли», сумевших (далеко не до конца) прояснить её содержание и структуру, во многом «заслонили» в сознании современных читателей отзывы элиотовских современников в 1920-е гг.: между тем, большинство из них считали поэзию Элиота (в первую очередь, «Бесплодную землю») апофеозом «темноты». Однако «непонятность» Элиота была парадигматической, а романтиков – синтагматической. Он не допускал неточных формулировок на коротких отрезках текста; его «темнота» рождается из спонтанного монтажа, из неясности замысла и соотношения деталей. Но такая поэзия всё же не соответствовала его рационалистическому идеалу. «Классицизм» Элиота был чужд историческому классицизму и, в основном, сводился к абстрактному требованию упорядоченности.

Во второй главе, «Т.С. Элиот как арбитр поэзии прошлого», рассматривается применение Элиотом выработанных им методов при оценке поэтов минувших эпох, освещаются дополнительные критерии оценки, возникающие в ходе анализа конкретных поэтов, показывается, как выработанные на материале отдельных авторов принципы и идеи преломляются в собственной поэзии Элиота. Ему удалось очень существенно повлиять на

вкусы читающей публики и, в соответствии со своей теорией, переосмыслить литературный канон. Но Элиот не «перестроил» традицию, а лишь «отремонтировал». Он находил даже в самых неблизких ему поэтах прошлого выдающиеся черты. Ни один автор, ранее считавшийся значительным, не был объявлен Элиотом второстепенным; более того, критик явно испытывал определённый пиетет перед репутациями предшественников и, пытаясь их «оправдать», зачастую допускал удивительные противоречия и перестраивал свои принципы.

2.1. Античность. Элиот почти не выступал как арбитр поэзии Древней Греции и Древнего Рима. Элиот усматривал в античности свой «распад восприимчивости», но он никак связывался Элиотом с аналогичными процессами в европейской культуре Средних Веков, Ренессанса и Нового Времени; механизмы «распада» и его циклических повторов не были прописаны. В отличие от подлинного исторического «классицизма», Элиот не считал античных авторов особым образцом для подражания (хотя позднее он поставил Вергилия в центр европейской цивилизации (в рамках своей концепции «классического искусства»). В декадентском духе, Элиот симпатизировал авторам позднего Рима. Сенеке он уделил особое внимание. Со всей своей противоречивостью и разновекторностью, Элиот одновременно «оправдывал» и «не оправдывал» его недостатки.

2.2. Данте. Среди всех поэтов фигура Данте (наряду с Шекспиром) была ключевой для творчества Элиота по придаваемому значению и по числу аллюзий: «Данте и Шекспир делят современный мир между собой; третьего нет»³⁹. В отчасти позитивистском духе, Элиот заявляет: «Преимущества Данте связаны не с большей гениальностью, а с тем, что он писал тогда, когда Европа была ещё более или менее единой»⁴⁰. В элиотовском анализе Данте используются разнообразные принципы оценки поэзии: 1. Опора на традиционное видение мира, полное подчинение эмоции божественному началу; 2. Наличие «визуального воображения»⁴¹; 3. «Подражаемость» и «неподражаемость»; 4. Усовершенствование обыденного языка; 5. Способность стихов удивлять; 6. Принцип разнообразия эмоциональных тонов, выведенный на глобально-общечеловеческий уровень; 7. Лёгкость или усилие при достижении эффекта; 8. «Выражение непостижимого в зрительных образах»⁴²; 9. Визуально-чувственный эквивалент философской системы; 10. «Установление соответствий между самыми различными типами красоты»⁴³, мастерство в изображении разных видов блаженства.

³⁹ Eliot, T.S. Selected Essays. L.: Faber and Faber, 1934. P. 265: Dante.

⁴⁰ Ibid. P. 242.

⁴¹ Ibid. P. 243.

⁴² Ibid. P. 267 – 269.

⁴³ Ibidem.

2.3. Английская драма и поэзия XVI-XVII вв. Считая это время вершинным в развитии английской поэзии, Элиот тем не менее видел фундаментальные недостатки в произведениях данного периода: мировидение «анархии, распада, разложения»⁴⁴, отсутствие условностей, почти повсеместную «небрежность» драмы, склонность ко всякого рода излишества, мировоззренческий эклектизм. История поэзии данной эпохи видится Элиоту как развитие от монотонности к «разнообразию чувств», поступательное развитие языка⁴⁵. В элиотовских суждениях принципы оценки часто меняются: обычно призывавший к разнообразию тонов Элиот не видит их у Джонсона в привычном виде и заявляет, что они у него раскрываются не в отдельных стихах, а в замысле произведения как целого. Возрождавший интерес к метафизикам Элиот с большим интересом изучал Дж. Донна, однако обвинял его в излишней «личности» и плохом сочетании эмоции с эрудицией. К Дж. Милтону Элиот питал устойчивую антипатию, хотя признавал его великим поэтом. Для обоснования его величия, ему пришлось очень сильно «достроить» свою систему оценок. По Элиоту, лишь колоссальный милтоновский талант оправдывал и компенсировал его разлад между зрительным и звуковым восприятием, его «искусственный» язык.

2.4. Шекспир. Элиот считал Шекспира одним из двух величайших поэтов в истории, но писал о нём редко – при этом значительная часть его эссеистики о Шекспире посвящена критике отдельных аспектов его творчества. Элиот негативно относился к «Гамлету». В начале 1930-х гг. Элиот подчеркнул, что не считает «полностью «удачными» «Меру за меру», «Троила и Крессида» и «Всё хорошо, что хорошо кончается», но это, в его глазах, нисколько отменяло их значимости в рамках творчества Шекспира как целого⁴⁶. Несмотря на отдельные романтические нотки в своих собственных суждениях, Элиот, со своим акцентом на традиционности и исторической обусловленности шекспировского таланта, противостоял романтической трактовке Барда. Шекспир ценится Элиотом за максимальную *широту* человеческих эмоций, единство произведений, аналитизм творчества и его масштаб, сопоставимый, как считает Элиот, только с Данте. Однако запутанность образов и не всегда удачное стремление выразить невыразимое, характерные для «анархистской» эпохи, критикуются так же, как и в поэзии романтизма.

2.5. Поэзия классицизма. Настроенного на «понятность», «здоровый смысл» и рационализм Элиота не мог не привлекать классицизм как определённая абстрактная идея. Но Элиот был модернистом (как бы он ни относился к этому понятию); суггестивное начало

⁴⁴ Ibid. P. 116: Four Elizabethan Dramatists.

⁴⁵ Ibid. P. 38 – 39: 'Rhetoric' and Poetic Drama.

⁴⁶ Eliot, T.S. The Use of Poetry and the Use of Criticism. Studies in the Relation of Criticism to Poetry in England. L.: Faber & Faber, 1934. P. 44: Apology for the Countess of Pembroke.

(хоть и изрядно рационализированное) было для него не менее важно, чем предметное. Поэтому в историческом классицизме Элиота отталкивали характерные для многих его представителей сухость и «денотативность» (например, у Дж. Драйдена). Элиоту не близка «статическая», нормативная концепция литературной истории: «...всё решать должен не древний авторитет, а естественный гений языка»⁴⁷, – пишет Элиот. С большим пиететом он относился к А. Поупу и С. Джонсону.

2.6. Поэзия романтизма. В основе представлений Элиота о романтизме лежала идея «распада», упрощения чувства, при сохранении внешней сложности языка и непонимании «человеческих ценностей» и «человеческого опыта». По мнению Элиота, романтики пытаются сконструировать новый «мир грёзы», и это, с точки зрения критика, делает отдельного поэта-романтика менее интересным, чем поэта XVII в.⁴⁸ У романтиков Элиот видел превознесение спонтанности и частного над типическим, акцент на чувстве, а не мысли, ярко выраженные эгоизм и неискренность⁴⁹. Отношение Элиота к романтизму в конце 1910-х и начале 1920-х гг. было однозначным: «Для меня английская литература заканчивается задолго до 1800 г. (как минимум, та её часть, которая написана в стихах)...»⁵⁰ На первый взгляд, романтизм для Элиота был воплощением всего, что было ему чуждо в искусстве и мировоззрении: «личности», ложного самовыражения, отказа (до некоторой степени) от традиционных моделей мировосприятия, незрелости, «непонятности», невнимания к «здоровому смыслу». Но на практике отношение Элиота к каждому из крупнейших романтиков оказывается смешанным и во многих аспектах позитивным; радикально-резкие оценки исчезают уже в начале 1920-х гг.

2.7. Поэзия середины и конца XIX в. В поэзии викторианской эпохи Элиот видел, в основном, дальнейшее углубление «распада восприимчивости», приведшее к радикальному углублению пропасти между внешним стремлением к суггестивности и небрежностью, внутренней пустотой словесного выражения. Главным воплощением такого разлада становится А. Ч. Суинберн. Его Элиот, по всей видимости, не считал выдающимся поэтом, но, сохраняя пиетет перед его репутацией, противореча себе, то и дело таковым его называл. Говоря о том, что у Суинберна смысл заменяется «галлюцинацией смысла», и в его стихах отсутствует какая бы то ни было красота, Элиот называет его «расплывчатость» «триумфом» и далее пытается, не очень убедительно, его «оправдать». Сложно поверить, что отделение слов от объектов (по сути, разрушение принципа «объективного коррелята»), небрежность и

⁴⁷ Ibid. P. 38: Apology for the Countess of Pembroke.

⁴⁸ Eliot, T.S. Selected Essays. L.: Faber and Faber, 1934. P. 301: Andrew Marvell.

⁴⁹ Moody. Op. cit. P. 43.

⁵⁰ Eliot, T.S. The Letters of T.S. Eliot, Vol. 2: 1923 – 1925 / Ed. V. Eliot and H. Haughton. L.: Faber & Faber, 2009. P. 34: 2 February, To Ford Madox Ford.

«непонятность» для Элиота могут действительно быть достоинствами. Более позитивно критик относился к Р. Браунингу и А. Теннисону. Выдающимся мастером стиха Элиот считал У. Уитмена.

2.8. Французская поэзия середины и конца XIX в. Французская поэзия – Ш. Бодлер, Т. Корбьер и особенно Ж. Лафорг, а также другие поэты, – имела крайне глубокое воздействие на формирование поэтики и взглядов Элиота раннего периода и сохранила влияние на протяжении всей его жизни. В эссе 1921 г. он отметил, что Корбьер и Лафорг существенно ближе к «школе Донна», чем любой английский поэт того времени⁵¹. Но позднее в поэзии Лафорга Элиот увидел крайне высокую степень «распада восприимчивости» и противопоставил его Донну⁵². Бодлера в эссе 1930 г. Элиот назвал «величайшим образцом всей *современной* поэзии, на всех языках», так как его идеи, язык и поэтика наиболее полно, с особой интенсивностью, отображали современное состояние цивилизации⁵³. В то же время, признавая величие Бодлера как человека, Элиот отнюдь не считал его поэзию совершенной⁵⁴. По мнению Элиота, в ней было много «бранных», «скоропортящихся» образов, не выдерживающих проверку временем⁵⁵. Рассуждая о Бодлере, Элиот, нехарактерным для себя образом, оценивает его почти исключительно через мировоззренческую призму.

В третьей главе, «Т.С. Элиот как арбитр поэзии современников», основное внимание уделено откликам Элиота на творчество современных ему поэтов и стихам, публиковавшимся в журнале «Крайтерион»; они рассматриваются не столько сами по себе, сколько «глазами Элиота», с точки зрения выдвинутых им критериев оценки поэзии, несмотря на их ситуативность, относительность и фрагментарность; анализируется деятельность Элиота как издателя.

Элиот очень скептически относился к возможностям оценки современной поэзии. Резко негативным было его видение издательского бизнеса; он признавал, что работа в нём искажает мышление в сторону оценки рукописей исключительно с коммерческой точки зрения; правда, несмотря на это, «Фейбер энд Фейбер» нередко противостоял требованиям рынка. Негативное отношение к издательскому миру распространялось Элиотом и на

⁵¹ Eliot, T.S. Selected Essays. L.: Faber and Faber, 1934. P. 290: The Metaphysical Poets.

⁵² Lobb. Op. cit. P. 42.

⁵³ Eliot, T.S. Selected Essays. L.: Faber and Faber, 1934. P. 388: Baudelaire.

⁵⁴ Ibid. P. 382.

⁵⁵ Ibid. P. 386.

литературные журналы, которые по своей природе значительно менее скованы требованиями коммерции. Но и в них Элиот видел опасное влияние разного рода стереотипов.

Одним из величайших поэтов современности он считал Э. Паунда, которому был столь многим обязан. По мнению Элиота, Паунду удавалось гармонично сочетать эмоцию с эрудицией, органично приспособливать метр к сменам художественного настроения, проявлять мастерство формы даже в верлибре. В ранние годы Элиот видел в У.Б. Йейтсе лишь «второстепенного продолжателя 90-х»⁵⁶, но затем изменил своё мнение: отталкиваясь, в основном, от поздних стихов Йейтса, Элиот назвал его крупнейшим поэтом своего времени, увидев у него зрелость, индивидуальность, высокого уровня технику при лёгкости выражения, мастерство поэтического драматурга.

3.1. Элиот как арбитр поэзии в конце 1910-х гг. Деятельность Элиота в журнале «Эгоист» отразила зарождение основных концепций его литературной критики и дала ему первый серьёзный опыт работы редактора литературного журнала. Как это ни странно, позднее, в своём собственном журнале, «Крайтерион», Элиот о современной поэзии практически ничего не писал; именно в «Эгоисте» он наиболее ярко проявился как критик стихов современников – в первую очередь, георгианцев. Пожалуй, ни одно направление в литературе не подвергалось Элиотом столь беспощадной критике. Для Элиота поэзия георгианцев была воплощением деградации культуры, торжества «массового человека», «распада восприимчивости», пренебрежения точностью выражения. Внешне парадоксальным образом, апеллировавший к традиции Элиот в контексте литературы того времени был революционером, а георгианцы, опиравшиеся на не близкие Элиоту, но ближайшие к ним по времени традиции романтической и викторианской поэзии, критиковались им за отсутствие традиции, понятой в более широком глобально-историческом и космополитическом ключе.

3.2. Идея синтеза. Элиот не раз говорил о недопустимости «смешения» отдельных областей и дисциплин и понимал различия «правил игры»⁵⁷. Но к концу 1920-х гг. Элиот недвусмысленно склоняется к «синтетическому» подходу. В 1926 г. в своём журнале он писал о том, что не может свести литературное обозрение лишь к литературным вопросам⁵⁸. Большинство элиотовских критериев оценки поэзии применялись и к текстам из других областей знания. Наиболее характерным образцом такого подхода стал «синтетический» сборник «Ланселоту Эндрюсу» (1928).

⁵⁶ Цит. по: Perloff, M. *The Avant-garde*. P. 253.

⁵⁷ Eliot, T.S. *The Use of Poetry and the Use of Criticism. Studies in the Relation of Criticism to Poetry in England*. L.: Faber & Faber, 1934. P. 64: *The Age of Dryden*.

⁵⁸ Eliot, T.S. *The Idea of a Literary Review* // *The Criterion*. 1926. January. Vol. IV, № 1. P. 3 – 4.

3.3. Журнал «Крайтерион»: редакторская стратегия Элиота. «Крайтерион», тираж которого никогда не превышал 800 экземпляров⁵⁹, выходил под бессменным руководством Элиота с 1922 по 1939 гг. и быстро стал одной из наиболее авторитетных «площадок» английского и общеевропейского литературного мира. С самого начала журнал не имел сугубо литературного характера. Со временем его «синтетическая» и интердисциплинарная направленность лишь усиливалась. Характерной чертой издания было отсутствие в нём какой бы то ни было единой «школы»⁶⁰. Так, одним из регулярных авторов «Крайтериона» был Г. Рид (1893 – 1968), открыто выступавший с чуждых Элиоту позиций: романтизма, сюрреализма, анархизма и психоанализа⁶¹. Многие идеи и литературные новации Элиота (и англо-американских модернистов 1910-х гг.) начали обретать широкое признание именно на страницах «Крайтериона».

3.4. Поэзия в журнале «Крайтерион» 1920-х гг. Центральным и наиболее прозрачным, легко наблюдаемым критерием отбора поэзии для журнала «Крайтерион» была точность формулировки, фразы, образа (что во многом пересекалось с «имперсональностью» и «индивидуальностью» в элиотовской системе ценностей). Основными чертами поэзии в журнале, при всём её разнообразии, были «объективированность», стремление избегать немотивированных повторов, штампов, клише, неудачных эпитетов. Если не все поэты, появлявшиеся на страницах журнала, создавали «объективный коррелят», то, по крайней мере, они были всецело *поглощены объектом*, стремились дать каждой мысли и эмоции наиболее точное словесное выражение. Главные элиотовские требования к поэзии были сформулированы в письме О. Стэплдону: «поразительная конкретность» и оригинальный ритм, обязательный, по мнению редактора «Крайтериона», и для «свободного стиха». В параграфе рассматривается широкая панорама поэзии, печатавшейся в элиотовском издании.

3.5. Поэзия в журнале «Крайтерион» 1930-х гг. Поэзия, публиковавшаяся в журнале в 1930-е гг., в основном, продолжала тенденции, характерные для более раннего периода, хотя, параллельно с улучшением отношения Элиота-теоретика к метафоре, наблюдалось усиление образного, «галлюцинационного» начала. В параграфе анализируется широкий спектр поэзии, публиковавшейся в «Крайтерионе», однако основное внимание уделено С. Спендеру и Л. Макнису. Их продвижение (наряду с У.Х. Оденом, для карьеры которого журнал имел намного меньшее значение) Элиот считал одним из основных

⁵⁹ Kirk, R. *Eliot and His Age: T.S. Eliot's Moral Imagination in the Twentieth Century*. NY: Random House, 1971. P. 97.

⁶⁰ Eliot, T.S. *The Letters of T.S. Eliot, Vol. 4: 1928 – 1929* / Ed. V. Eliot and J. Haffenden. L.: Faber & Faber, 2013. P. 133: 17 April 1928, To The Editor of The Nation & Athenaeum.

⁶¹ Harding, J. *The 'Criterion': Cultural Politics...* P. 109 – 126.

достижений «Крайтериона». Произведения Спендера и Макниса, опубликованные в элиотовском журнале, ускользают от традиционных литературоведческих терминов; живой художественный поиск авторов выражался в разнородных чертах, которые роднили их с имажизмом, экспрессионизмом, поэзией «метафизиков», сюрреализмом (и, в целом, с авангардом), социальным реализмом. Они, в отличие от Элиота, использовавшего как материал, в первую очередь, литературные аллюзии, преимущественно опирались на метафоры в своём стремлении создать уникальные интеллектуальные эквиваленты эмоции; «объективный коррелят» создавался не только из «объектов», но и из сложных метафорических «конструктов». В стихах Спендера и Макниса были заложены пути преодоления «сухости» и механистичности элиотовской поэтики.

Заключение содержит основные выводы работы и намечает новые пути исследования. Кратко анализируются отношение Элиота к проблеме литературной преемственности, судьба его идей и поэтических новаций среди поздних современников и в новейшую эпоху.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Жуковский, А.Ю. Осмысление наследия Ф. Ницше в творчестве Т.С. Элиота // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2012. – №5. – С. 131 – 138.
2. Жуковский, А. Ю. Рецензия на тома 2 – 4 переписки Т.С. Элиота// Новое литературное обозрение. – 2013. – № 122. – С. 401 – 403.
3. Жуковский, А. Ю. Рецензия на книгу «Американский Ницше» Дж. Ратнер-Розенхаген// Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 413 – 414.
4. Жуковский, А. Ю. Релятивистские тенденции в письмах Т.С. Элиота // Вопросы литературы (в печати).
5. Жуковский, А.Ю. Т.С. Элиот об оценке поэзии // Новая Юность. – 2014. – №4 (121). – URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2014/4/7zh.html.
6. Жуковский, А.Ю. Рецепция Ницше в США // Ницше.Ру. – URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/literatur/usa/>.
7. Жуковский, А.Ю. Осмысление наследия Ф. Ницше в творчестве Т.С. Элиота // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред.: А. Андреев, А. Андриянов, Е. Антипов, М. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1887.htm.

8. Жуковский, А.Ю. Проблема «непонятности» поэзии Т.С. Элиота (на материале «Бесплодной земли») // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2014. – URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_26_2691.htm.
9. Жуковский, А.Ю. Проблемы «системы», «стиля» и «порядка» в сборнике «Ланселоту Эндрюсу» и личной переписке Т.С. Элиота 1928 г. // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_27_2295.htm.